

Доклад на XI Сретенских международных образовательных чтениях в Хельсинки:
«Православные архипастыри и подвижники Финляндии и Северо-западной России»
11–13 февраля 2017.

**Валаам – между Советской Россией и Финляндией:
Валаамское подворье в Москве и Финляндское посольство в 1920-е гг.**

После революции 1917 г. иноки Валаамского монастыря волей обстоятельств оказались по разные стороны государственной границы. Монастырь, после провозглашения независимости Финляндии, остался в ее пределах, а в Москве и Петрограде продолжали какое-то время действовать Валаамские подворья.

В своем докладе я сосредоточусь на Московском подворье Валаамского монастыря, которое и сегодня располагается по адресу 2-я Тверская-Ямская дом 52. Главный предел домовый церкви подворья был освящен в 1901 г. в честь главных Валаамских покровителей Преподобных Сергия и Германа. Верхний храм вмещал до 1000 человек молящихся. В других помещениях трехэтажного подворского здания были часовня, хозяйственные и жилые комнаты на 40-45 насельников¹. После революции на подворье проживали 38 насельников, время от времени там останавливались 1-2 архиерея.

26 ноября 1918 г. правительство Финляндии присвоило православной епархии в стране статус второй государственной Церкви национального меньшинства. Положительным следствием этого решения было упрочение положение русских монастырей, подвергшихся было атаке русофобов, требовавших их ликвидации. К слову, немаловажную роль в защите Валаамского монастыря сыграл К. Г. Маннергейм, за что впоследствии монастырское братство его благодарило. В монастырском архиве сохранилось благодарственное письмо Маннергейму от игумена Павлина, написанное летом 1932 г.: «Ваш портрет будет украшать нашу обитель, напоминая ее насельникам о том неocenимом благодеянии, что самоотверженно Вы оказали нам в смутную годину 1917 и 1918 гг., когда решалась судьба иноческих обителей в Финляндии и Ваше мощное слово раздалось тогда в защиту всех нас и спасло от тех бедствий, которые угрожали нам»².

О трудном положении русских монастырей в Финляндии после революции говорит, например, и то, что руководство Валаамского монастыря рекомендовало проходившим военную службу послушникам не возвращаться на Валаам. С начала Первой мировой войны из Валаамской обители были мобилизованы 264 послушника. К 1918 г. не вернулись в монастырь 185 из них³.

14 марта 1918 г. в письме к руководившему Московским подворьем иеромонаху Галактиону (Новикову) наместник монастыря иеромонах Павлин (Мешалкин)⁴ писал: «Считаю своим долгом довести до вашего сведения о состоянии Валаамского монастыря, переживаемом в настоящее бедственное и неблагоприятное время. На первой очереди, вызывающий наибольшее опасение, стоит у нас продовольственный вопрос. Минувшей осенью монастырь смог получить только половину годичного хлебного запаса. В Финляндии господствует сильный недостаток пищевых продуктов. Местные финские власти произвели у нас подробную опись всех насельников монастыря и всех продуктов, переписали весь монастырский скот. [Реквизировали] часть хлебных запасов, оставив на каждого человека по шесть килограммов в месяц. При громадной стихийности размаха общемировых бедствий есть

полное основание полагать, что реквизиция будет повторена, в виду вопиющей нужды окрестного населения. Обитель по силе идет навстречу, т. к. в противном случае монастырю угрожает принудительная реквизиция.

Если кто-либо из наших указных послушников по окончании войны пожелает возвратиться на Валаам, то, не скрывая бедственности нашего положения, старайтесь всеми доводами отговорить от поездки к нам. Пусть всякий послушник переживет это время у своих родных или знакомых, а потом, Бог даст, когда всё уладится, все с любовью будут приняты монастырем, как свои родные чада. Теперь же мы решили общим советом никого пока не принимать. Положение монастыря таково, что ближайшее будущее не обещает нам ничего хорошего, ибо как только монастырские запасы хлеба совсем иссякнут, монастырь неизбежно будет поставлен в суровую необходимость распустить своих насельников»⁵.

Слава Богу, этого не случилось, но тогда, в 1918 г., суровая реальность побуждала оставшихся в России валаамцев позаботиться о себе самим. Так призванный в Первую мировую войну валаамский послушник Алексей Федосеев, будущий *преподобномученик иеромонах Аполлос*, после 1917 г. на Валаам не вернулся, но поступил в Черемнецкий Иоанно-Богословский монастырь Петроградской епархии, где и был пострижен в монашество в 1922 г. В 1937 г. он был арестован, обвинен в «антисоветской деятельности» и расстрелян на полигоне Бутово под Москвой.

Можно упомянуть также валаамского *преподобномученика монаха Иеремию (Леонова)*. В 1917 г. он был отпущен из монастыря в отпуск в Россию, где и был убит в 1918 г., встретив первую волну террора.

В лике новомучеников прославлен Русской Церковью и заведующий Московским Валаамским подворьем иеромонах Галактион (Урбанович-Новиков)⁶. Он поступил в Валаамский монастырь в 1900 г. Пострижен в монашество в 1908 г. В 1911 г. был рукоположен во иеродиакона архиепископом Финляндским и Выборгским Сергием (Страгородским). В 1915 г. его посвятили во иеромонаха. В монастыре он исполнял послушание нарядчика рабочих и правил чреду богослужений.

В 1915 г. иеромонаха Галактиона, одного из наиболее преуспевших монахов, командировали на Московское подворье как заведующего подворьем и эконома. На его плечи легла нелегкая доля управления столичным подворьем в годы большевистского переворота, в период отнятия церквей и изъятия церковных ценностей. В 1927 г. он был арестован по обвинению в шпионаже, хранении золота и связях с «Финской миссией», так называлось в следственных документах посольство Финляндии в Москве.

С 25 января 1918 г. Валаамский монастырь находился в полном разобщении с родиной, и братия не знала подробностей того, что происходит в России. Тем не менее, Валаамское правление пыталось спасти свои подворья в России, где проживали иноки, подвергавшиеся угрозе арестов и расправы. В связи с этим можно упомянуть о т. н. «Охранной грамоте»⁷, которую Финская Миссия в Петрограде 7 октября 1918 г. выдала для охраны Московского Валаамского подворья. Бюро из двух финских представителей с канцелярией при Германском консульстве было учреждено в Петрограде 29 июля 1918 г. на основе «Соглашения между Советской Россией и Финляндией об освобождении и обмене граждан обеих стран, арестованных по политическим причинам»⁸.

В 1918 г. на Московском подворье числилось шесть иеромонахов, пять иеродиаконов, 11 монахов и 18 послушников. Помимо этого там временно проживали два архиерея, принимавших участия в работе Поместного Собора⁹ – один из них митрополит Владимирский Сергей (Страгородский)¹⁰.

Финская «охранная грамота» была доставлена в Московский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Моссовет). На какое-то время она произвела нужный эффект на мелких чиновников, скорее всего, вследствие занятости крупных более серьезной проблемой.

На момент выдачи «охранной грамоты» Финляндия находилась в состоянии войны с Советской республикой. Как известно, попытка «красной революции» в Финляндии провалилась. С марта 1918 по октябрь 1920 гг. велись боевые действия между белофинскими войсками и частями Красной армии в Карелии. В России шла гражданская война. На запрос Моссовета в Наркомат иностранных дел по поводу этой «охранной грамоты» не последовало никакого разъяснения. «Имперская Германская власть» на защиту которой в «охранной грамоте» ссылались представители подворья, летом-осенью 1918 г. уже знала, что конец ее близок – стало очевидным поражение Германии в Первой мировой войне. Зато Финляндия все еще представляла угрозу для Советской России. В 1918–1919 гг. советское правительство вынужденно было держать на северо-западе страны воинские соединения, т. к. не без основания полагало, что финны способны при желании захватить красный Петроград. Именно большевики в 1919 г. были заинтересованы в установлении мира с финнами, предлагая подписать мирный договор. Так что «охранная грамота» вполне могла напугать чиновников Моссовета.

11 февраля 1919 г. церковь Московского подворья была передана Моссоветом по договору «двадцатке» верующих и могла функционировать далее как приходская домовая церковь.

В 1919 г. в правительство Финляндии правлением Валаамского монастыря был подан список имен иноков с паспортными данными на получение билетов и виз для проезда в Финляндию. В этом списке числились 28 человек с Московского подворья (6 иеромонахов, 5 иеродиаконов, 11 монахов и 6 послушников), и 16 человек из Петрограда, где у монастыря было два небольших подворья: Василеостровская (9 человек) и Калашниковская часовни (7 человек)¹¹.

Ситуация на фронте постепенно изменилась. Уже в июле 1920 г. финская армия оставила большую часть Восточной Карелии. И 14 октября 1920 г. в Эстонии был подписан Тартуский мирный договор. 31 декабря 1920 г. в Москве финляндская делегация во главе с государственным советником *Антти Ахоненом* обменялась с представителями советского правительства ратификационными грамотами. В конце января 1921 г. Ахонен в качестве дипломатического представителя Финляндии прибыл в Москву. Финляндская делегация первое время сама испытывала трудности с жильем, и вынуждена была разместиться в железнодорожном вагончике. 5 февраля 1921 г. советское правительство предоставило представителям Финляндии реквизированное в 1920 г. помещение единственной в Москве англиканской церкви Святого Андрея в Большом Чернышёвском переулке.

В 1921 г. на Валаамском подворье проживало 36 человек братии. 11 из них в тот год приняли монашеский постриг, а некоторые были посвящены в священный сан¹².

2 марта 1921 г. валаамский настоятель игумен Павлин писал о. Галактиону о продвижении дела о переезде всех иноков из Москвы в Финляндию. Игумен пересылал в Москву с финским послом А. Ахоненом, заготовленные 36 именных прошений и столько же открытых доверенностей на получение финляндского гражданства. Посол должен был передать все это о. Галактиону. Настоятель, в частности, писал: «По прибытии господина посла в Москву, вы постарайтесь представиться ему, и узнаете лично от него все те мероприятия, которые предприняты нами в вашу защиту»¹³.

16 декабря 1922 г. первым посланником Финляндии в Москве был назначен *Антти Вернер Хакцелль*¹⁴. Именно в период работы в столице этого уполномоченного совершались наиболее активные контакты Московского подворья с Финляндским посольством. Посол А. Хакцелль посетил «финляндское учреждение», как называлось Московское подворье в «охранной грамоте» 14 мая 1922 г. Об это визите вспоминал инок с подворья: «Обошел и осмотрел все подворье, всем виденным остался доволен и на прощание сказал: “По всему видно, что не советское учреждение, а то всё было бы загажено!” Посол рассказал, что за 22 воза осиновых дров ему нужно было уплатить 660 “лимонов”¹. В финляндском посольстве нужно было починить автомобиль, за ремонт с них запросили 360 миллиардов, пришлось автомобиль посылать для ремонта в Финляндию»¹⁵.

Посол Хакцелль исполнял эту должность до 1927 г. Именно к нему обратился в 1922 г. руководивший подворьем о. Галактион с просьбой хранить монастырскую кассу. Посол согласился, и деньги были переданы секретарю посольства Рафаэлю Хаккарайнену¹⁶, который «положил их в денежный ящик» на хранение.

Связь Валаамского подворья с Финляндским посольством в Москве активно поддерживалась с самого начала его появления. Иеромонах Галактион неоднократно бывал в посольстве, равно, как и некоторые сотрудники миссии посещали подворье. Проблемы, которые решались в ходе этого общения, были серьезными: вопросы о принятии всей валаамской братией финского гражданства, о получении виз на въезд в Финляндию, как оказалось, посольство посодействовало подворью и «в вопросе об отпечатывании запечатанной церкви», не говоря уже о хранении денег и передачи через посольство деловой корреспонденции в монастырь на Валаам и обратно.

Подворье также помогало посольству в решении некоторых вопросов. Эконом о. Галактион от Финской миссии «имел поручение купить для них дров» 20 сажень. С дровами в Москве было трудно. И, конечно же, находившиеся в неведении в Финляндии государственные чиновники пытались выяснить через посольство, как обстоят дела в Русской Церкви с обновленчеством. Так секретарь Хаккарайнен просил о. Галактиона узнать, «как происходит разделение “Тихоновской” Церкви»¹⁷.

Интерес посольства был не праздный, когда в 1923 г. Финляндская Православная Церковь решила перейти под юрисдикцию Константинопольского Патриарха, ситуация с набравшими силу обновленцами в Русской Церкви сыграла не последнюю роль, хотя обстоятельства и сложились очень выгодно для сторонников автокефалии Финляндской Церкви. О связи обновленцев с большевиками и ОГПУ в Финляндии знали и не хотели оставаться в подчинении Московской Патриархии, в случае если обновленцы взяли бы верх¹⁸.

¹ Миллионов новых советских рублей.

К большевикам в Финляндии была антипатия. Нужная информация могла быть получена и из посольства в Москве.

Монастырское руководство на Валааме высоко ценило эту дружбу и помощь подворью в трудные годы. Игумен Павлин 29 марта 1923 г. посылал трогательное письмо секретарю посольства Р. А. Хаккарайненну: «Эконом Валаамского подворья в Москве о. Галактион с чувством самой живейшей и искренней признательности неоднократно сообщал мне о Вашем добром и благодетельном участливом отношении, как к делам подворья, так и к судьбе проживающей там монастырской братии. Наша братия особенно живо чувствует Ваше доброе и отеческое к ним участие и готовность помочь во всякое время. Я считаю своим неперменным нравственным долгом, как от имени вверенной мне обители, так и лично от себя, выразить пред Вами одушевляющие нас чувства самой искренней и горячей благодарности за Ваше столь благотворное и благодетельное участие в устройении разных дел и затруднительных обстоятельств в жизни подворья и его насельников. Благодарность наша к Вам так велика, что я затрудняюсь выразить ее на словах, будем молить за Вас Всещедрого Бога»¹⁹. Благодарственное письмо почти аналогичного содержания было направлено настоятелем и самому послу²⁰.

О секретаре Финской миссии в 1920-е гг. Рафаэле Хаккарайнене есть упоминание в воспоминаниях Олега Фаберже, родного внука знаменитого ювелира Карла Фаберже. Он очень тепло отзывался о Р. Хаккарайнене и о А. Хакцелле, первых посланниках Финляндии в новой России, считая, что они были «именно теми людьми, при общении с которыми понимаешь высокий смысл слова “дружба”». «Нам посчастливилось, - вспоминал внук Фаберже, - и в числе наших друзей были такие *выдающиеся личности* как министры *Анти Хакцелл, Рафаэль Хаккарайнен...* Все они были деятелями старой, надежной закалки и бескорыстно трудились на благо родины, в отличие от многих современных партийных функционеров, которые зачастую используют свое служебное положение в первую очередь для того, чтобы удовлетворить личные финансовые потребности, во вторую – чтобы защищать узкопартийные, а об Отечестве говорят лишь в период выборов!»²¹.

Что касается Московского подворья, то в 1924 г. братия подворья была выселена советскими властями из своих келий. Иноки перебрались вначале в подвал, затем, в подвал здания напротив, и приходили служить в подворскую церковь. Ее же закрыли в 1926 г.

Надо сказать, что Московское Валаамское подворье оставалось единственным действующим монастырским подворьем в Москве на то время. После закрытия домового церкви валаамская братия перешла служить в церковь Ржевской иконы Божией Матери и поселилась рядом в одной из квартир в доме на Большом Ржевском переулке, основав там «нелегальный монастырь».

Когда «нелегальный монастырь» уже «прижился» при Ржевской церкви, монахам понадобились средства. И в 1927 г. о. Галактион решил забрать отданные им ранее на хранение в Финляндское посольство деньги. Т. о., монастырские деньги хранились там довольно продолжительное время. Расходы «нелегального монастыря» были не малые: из монастырской кассы платили жалование священнику и диакону Ржевской церкви, оплачивали коммунальные услуги, ремонт, электричество, свои нужды, - по сути, полностью содержали Ржевскую церковь, поддерживая прихожан не только духовно, молитвой и службами.

Когда о. Галактион в 1922 г. сдавал в Финскую миссию деньги на хранение, посол А. Хакцелль предупредил его, держать дело в секрете, и «говорить что эти деньги не Валаамского подворья, а одного финского гражданина бывшего также монаха, уехавшего в Финляндию»²². Вполне обоснованная конспирация. Эта информация могла бы скомпрометировать посольство и уж явно не помогла бы сохранить от большевиков монастырские суммы.

13 марта 1927 г. о. Галактион обратился к завхозу «Финской миссии» Линквисту с просьбой выдать деньги. Но тот ответил, что они пропали. Эконом на следующий же день отправился к финляндскому послу. Стоит отдать должное А. Хакцеллю, он повел себя «поджентельменски». Принимая во внимание ситуацию с гонениями на Церковь в России, можно было бы просто отказать от всех объяснений. Тем более что, из-за секретности о. Галактион от Финской миссии «никаких расписок о сдаче им на хранение золота не получал»²³.

Но посол Хакцелль даже возбудил следствие по поиску пропавших монастырских денег, и в посольство «приехала специальная комиссия из Финляндии для расследования этого дела»²⁴. Отца Галактиона попросили подождать два месяца и обещали вернуть пропавшее золото²⁵. Незадолго до ареста 14 апреля 1927 г. о. Галактион деньги получил «за вычетом всех расходов на перевозку и приобретение» - 1 585 руб. золотом. В получении он выдал послу расписку. Золото хранилось у о. Галактиона в квартире, где жили монахи «нелегального монастыря» при Ржевской церкви.

Весной-летом 1927 г. в СССР в связи с убийством советского полпреда в Польше и др. событиями началась искусственно разжигаемая предвоенная истерия, в связи с подготовкой к якобы новой иностранной интервенции. Ситуация была использована Сталиным для развязывания массовых репрессий. Он решил окончательно уничтожить так называемые «монархические» и «белые силы», и под прикрытием этой борьбы разгромить внутрипартийную оппозицию Бухарин-Троцкий-Зиновьев.

8 июня Сталин отправил шифрограмму Молотову: «Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации»²⁶. В итоге, в СССР за время так называемой «июньской операции» ОГПУ было проведено до 20 тыс. обысков и арестованы 9 тыс. человек²⁷. Арестам подвергались, прежде всего, так называемые «бывшие» — «бывшие помещики, бывшие белые, особенно вернувшиеся из-за границы ("репатрианты")... В общественном мнении... аресты связывались чаще всего с военной опасностью»²⁸.

Иеромонах Галактион был арестован как раз в конце «июньской операции» – 24 июня 1927 г. Его обвинили в связях с финляндским посольством, что трактовалось ОГПУ как шпионаж. Отец Галактион был начальником подворья «бывшего» Валаамского монастыря, находившегося в Финляндии, в стране, где белые разгромили красных, и где проживало немало русских монархистов. Иеромонах-валаамец оказался подходящим кандидатом для антишпионской и противомонархической чистки.

При его аресте был произведен обыск по месту проживания. Примечательно, что при первом обыске ничего особенного обнаружено не было. Однако управдом решил «помочь» следствию и указал на тайник с золотом.

На допросе в ОГПУ о. Галактиона спросили об этих деньгах. Он сказал, что как заведующий хозяйством подворья хранил общую кассу, и об этих деньгах братия ничего не

знала. Следствие обвиняло о. Галактиона (Новикова), было ему тогда 57 лет, по политической статье 58-10 УК в том, «что с 1920 г. он был тесно связан с представителями Финской миссии в Москве, занимающимися шпионажем, коих информировал о настроении верующих и о разделении церкви. В 1922 г. хранил в Финской миссии золотые деньги», не сдав их во время общей компании по изъятию церковных ценностей²⁹.

Коллегия ОГПУ на заседании 25 июня 1927 г. постановила заключить осужденного в концлагерь сроком на пять лет³⁰. Отца Галактиона направили в Кемь, в управление Соловецких лагерей. А 24 марта 1928 г. коллегия постановила не применять в отношении его амнистии³¹. К слову реабилитирован Генпрокуратурой по этому делу он был только в январе 2016 г.

Иеромонах Галактион был расстрелян в 1937 г за «антисоветскую деятельность» в второй своей ссылке в Казахстане. Канонизирован Русской Православной Церковью в лике новомучеников в 2000 г.

Политическая ситуация того времени не просто оказывала влияние на события, но порой откровенно направляла их. Сохранить себя вне политики не удавалось почти никому, даже удаленные монастыри с их отшельническим образом жизни оказывались втянутыми в политические и идеологические баталии. Не стал исключением и Валаамский монастырь с его столичными подворьями. Однако было в те суровые годы и нечто, что не подпадало под обусловленность политикой. Это, с одной стороны, обычная человеческая порядочность, с другой – незыблемость Церкви, которая оставалась кораблем спасения, оплотом веры, свидетельствовала об Истине, взывала к милосердию, вдохновляла на стойкость исповедников веры.

Татьяна Шевченко

кандидат богословия, кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

Отдела новейшей истории Русской Православной Церкви

Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета

¹ См.: Валаамский патерик. Т. 2. М. 2003. С. 271.

² Цит. по: *Онуфрий (Маханов), иерод.* Причал молитв уединенных. СПб. 2005. С. 275–276.

³ VLA. Ea 81. 1918. Д. 1. Л. 6 об.

⁴ После кончины игумена Маврикия (Баранова) наместник монастыря иеромонах Павлин 10 мая 1918 г. был избран братией кандидатом на настоятельскую должность, в сан игумена он был возведен 3 апреля 1921 г.

⁵ Здесь и далее текст приводится в сокращении. VLA. Ea 81. 1918. Д. 20. Л. 3, 3 об.

⁶ В миру Григорий Станиславович Урбанович, родился 11 марта 1877 г. в крестьянской семье д. Пудино Виленской губернии, Лидского уезда, Докудовской волости.

⁷ *Шевченко Т.И.* К истории закрытия в Москве в 1920-е гг. подворья Спасо-Преображенского Валаамского монастыря / Вестник ПСТГУ (II). 2013. № 6. С. 31-71.

⁸ Документы внешней политики СССР. В 24-х тт. М. 1957–2000. Т. 1. М. 1957. С. 412–413.

⁹ 20 сентября 1918 г. Поместный Собор вынужден был прекратить работу.

¹⁰ Сергей (Страгородский, 1867–1944), Патриарх. Архиепископ Финляндский и Выборгский (1905). Архиепископ Владимирский и Шуйский, митрополит (1917). Митрополит Новгородский (1924). С декабря 1925 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. С 1943 г. Патриарх Московский и всея Руси.

-
- ¹¹ VLA. Ea 135 (1917-1919). Д. 4. Л. 1–3.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Л. 54.
- ¹⁴ Антти Вернер Хакцелль (1881—1946). По образованию искусствовед. 1918—1920 гг. губернатор Выборгской губернии. С февраля 1922 г. временный поверенный, затем (1922—1927) посол Финляндии в СССР. Министр иностранных дел Финляндии (1932—1936). В августе 1944 г. Хакцеллю было поручено сформировать новое правительство, которое должно было вывести Финляндию из Второй мировой войны. В сентябре начались мирные переговоры финской делегации в Москве. В это время у Хакцелля произошёл инсульт, от которого он не оправился и был отправлен в отставку.
- ¹⁵ *Шевченко Т.И.* К истории закрытия в Москве в 1920-е гг. подворья...
- ¹⁶ Рафаэль Адольфович Хаккарайнен – секретарь Финской миссии в 1920-е гг., впоследствии начальник протокольного отдела Министерства иностранных дел Финляндии и государственный советник правительства, участвовал в качестве русскоговорящего переводчика в переговорах 1939 г. со Сталиным.
- ¹⁷ Материалы следственного дела.
- ¹⁸ Утренняя Заря. 1938. № 12. С. 101.
- ¹⁹ VLA. Ва 81. 1918. Д. 20. Л. 71.
- ²⁰ Там же. Л. 70.
- ²¹ *Фаберже О. А.* Блестки / Перевод с швед. Е. Берлин. М. 1994. С. 8–13.
- ²² Там же.
- ²³ Материалы следственного дела.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Цит. По: *Данилов В. П.* К истории сталинского террора // Куда идёт Россия? Формальные институты и реальные практики: Материалы девятого международного симпозиума. М. 2002. С. 310.
- ²⁷ Там же. С. 311.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Материалы следственного дела.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.